

Распорядительница

Чуть забрезжил рассвет – и горизонт за несколько минут поменял множество оттенков. Природа просыпалась неторопливо, всё постепенно приходило в движение.

В крайней избе ворчливо засипели старые половицы, зашамкали разбухшие за зиму двери. Провисшие створки окон забрякали друг о друга. Проказник-ветер, откинув ситцевую занавеску-задержушку, ворвался в горницу. Оттуда донеслось негромкое шарканье ног. Монотонно заговорил телевизор, но его тут же заглушило щебетанье ласточек – они ладили под застрехой новое гнездо.

Весна! Она любила эту пору. Время, когда зарождалась новая жизнь! Жаль, однако, что наблюдать за изменениями в природе некогда. Она всегда занята. Вот и сейчас, наскоро перекусив, отправилась в привычный обход владений. От опытного глаза не ускользала ни одна мелочь. Это и не удивительно! Она выросла в этих местах и знала каждый двор, каждый заулоч, каждое дерево, каждый цветок.

– Стоп! Куст! Откуда? Зачем он здесь?

На повороте дороги с внешнего угла забора за ночь вырос куст! Она остановилась, пристально осмотрела растение со всех сторон, взглянула под ветви. – Фу-у-у, какие колючие! Если дети будут бегать здесь, могут иголками уколоться. Интересно, как он называется? А ягоды будут съедобными? Цветы какие-то невзрачные, из-за этого, наверно, и высадили на обочину...

Огляделась – никого. Призадумалась, почесала взъерошенную голову. Казалось, что она уже где-то видела этот куст, но никак не могла вспомнить, где. В памяти одна за другой мелькали картинки домов, заулков, загород... А-а-а.

Точно! Дачники на выходные приехали. Колючка росла у них на участке супротив бани. И буквально вчера она отметила, что сухой куст ни с того ни с сего вдруг расцвёл. Да, так и есть. Это был именно тот куст, на нём надломлена средняя ветка. Вот эта.

В наступившей тишине раздался резкий щелчок замка, заскрипели ржавые петли. Неожиданно вздрогнув, она рассерженно застрекотала, вспорхнула на яблоню.

– Эти приезжие вечно от дел отвлекают, – проворчала сорока и полетела дальше...

Помощница

Никита-дальнобойщик любил отдыхать в родительском доме. Они с женой ехали по размокшей чернильно-чёрной дороге. Лето выдалось дождливым, и осень не радовала теплом. А хотелось дни напролёт проводить на улице.

В деревне ни души... Никита занёс в дом сумки, затопил печь. Принёс зимние рамы, начал их вставлять. Уговоры жены, что надо обтереть стёкла от пыли, были тщетными. Он оправдывался – улицу не натопишь. Заскочив на табурет, достал с полатей вату, законопатил окна...

Поужинав, супруги вышли во двор. Ветер растащил тучи. Небо вызвездило. Северное предзимье растревожило души. Из-за перелеска с автотрассы доносился гул машин. Река пела колыбельную, её голос то затихал, то становился отчётливее.

К ночи дом прогрелся, пришло умиротворение. А утром кто-то настойчиво заколотил в окно.

– Нигде покоя нет, – муж в одних трусах прошлёпал к окну. Стук усилился. Никита отдёргнул занавеску. – Ишь, чего удумала! А ну кыш отсюда.

Послышалось стрекотание сороки.

– Кто там? – спросила жена.

– Сорока клювом скотч отрывает, бросает вниз. Стекло запотело. Так увлеклась, что не замечает ничего. А голос услышала – испугалась, головой завертела. Меня в окне увидела и так переполошилась, что чуть с подоконника не свалилась.

– Летние рамы ещё весной покрасили, а скотч не убрали. Сорока – помощница! – Валентина прошла по дому, отдёргивая занавески. Потом взяла нож и табурет, выскочила на улицу.

– Ты куда?

– Пошла сороке помогать, а то ей выше не достать!

Ищейка

Сейчас, чтоб окунуться в объятия матери Природы, приходится преодолевать огромные расстояния – из городов на дачи снуют вереницы машин. А раньше? Вышел из избы – вот тебе и огород, и пашня. Возводи, возделывай!

В нашем посёлке Михалёво у всех имелись и сенокосные угодья, и земельные участки для выращивания овощей. Некоторым односельчанам достаточно было сойти с крыльца, у других огороды находились на просеках. Земледелием занимались все!

Семья Изотовых жила в центре посёлка, их огород – напротив дома, на берегу реки Махреньги. Тётя Оля, мать большого семейства, много времени проводила в трудах: сажала овощи, поливала, рыхлила, прибирала урожай на зиму.

Как-то соседка поделилась усами клубники. Тётя Оля лелеяла каждый кустик, любовалась каждым листочком, надышаться не могла. Но она и не подозревала, что за рекой в парке вязов скрывалась та, что наблюдала за ней маленькими умными угольно-чёрными глазками.

К Петрову дню клубника начала созревать. И та, с маленькими глазками, первой отведала вкус и аромат сладких ягод. Да ладно бы полностью ягоду съела. Ан, нет! Красный бочок надкусит, попробует – и переходит к другой клубничине. Ни одной целой ягоды! Тётя Оля вскипела: столько сил положила напрасно! Пришлось объедки собрать да в мусорную кучу бросить. Когда первое огорчение приутихло, решила кусты укрыть. Принесла старую сеть, накинула на грядку, досками прижала: – Теперь не доберёшься!

Дни стояли солнечные, тёплые. Ягода зрела каждый день. Тётя Оля каждый раз приходила в замешательство: сеть на месте – клубника надкутана. Разговорилась с соседкой. Полина пообещала проследить: грядка из их окон, как на ладони.

Вечером доложила: в огород повадилась серая ворона. Она-то и лакомится клубникой, да так хитро! Клювом и лапами прижмёт сетку к земле,

бочок ягоды в дырочку сетки склунет – и так одну клубничку за другой.

Пришлось тёте Оле с ребятишками дежурить. Да только от огорода эта настырная крылатая особа далеко не улетала, пряталась за рекой в кронах вязов, караулила, выжидала подходящий момент. Только охранники отвернутся, она тут как тут! Клубника закончилась – начала расклёвывать огурцы.

В конце концов многодетная мама пожалела негодницу и начала её подкармливать. Та и сама озорничать перестала, и других пернатых близко к огороду не подпускала.

Однажды тётя Оля с коллегами сговорилась съездить за клюквой. На своём болоте в тот год клюква не уродилась, а за городом – усыпано. Вот и решили туда всем отделом рвануть. Сначала на мотовозе тряслись. В городе на автобус пересели. От остановки до леса несколько километров пешком шли. На болоте в разные стороны разбрелись. Ягода крупная, будто кто из мешка рассыпал, красно.

По приболотине протекал неширокий ручей, за ним росли высокие деревья. Утренний ветерок играючи шелестел листвой, рябчики весело пересвистывались. Солнце из-за тучи выкатилось, жёлтым глазом подмигнуло – подбодрило ягодников. Воздух духмяный, а дышалось легко!

К полудню работники начали кучковаться по трое-четверо. Передохнуть захотелось, спины выпрямить да и перекусить. Только расположились, бутерброды да термоса с чаем достали, как серая ворона прилетела! Откуда взялась? Немыслимые пируэты над головами выписывает, пронзительно кричит.

Сослуживцы переполошились: может, дурную весть принесла? Попытались отогнать навязчивую крикунью, да куда там. Она, не обратив ни на кого внимания, подлетела к тёте Оле и со всего размаха на высокую кочку плюхнулась. Крылья распластала в разные стороны, клюв распахнула: пора обедать!

– Как ты меня в лесу-то нашла, да ещё в такой дали? От посёлка досюда, почитай, километров сорок будет, – недоумевала тётя Оля. – Ну, настоящая ищейка!

Тринадцатый

Лето дождливое, холодное. Урожай не уродился. Птицы ещё в августе склевали не только ягоды, но и яблоки. Старожилы вздыхали: зима будет голодной.

Первый снег в начале октября покрыл продрогшую, почерневшую от хляби землю. В густых потёмках мохнатые хлопья падали медленно. Намокшая, ледяными звёздами таяли в воде, и глубокие лужицы вновь подёргивались чёрными проплешинами. К утру посёлок засверкал белизной, ветер тяжёлую снеговую тучу потащил на север.

В светлеющем небе солнце поочерёдно расправило лучи в разные стороны. Дети радовались, а воробышки кружили вокруг домов и жалобно чирикали.

Тётя Оля принесла из кладовки старую кормушку, приладила её под навесом крыльца, насыпала хлебных крошек.

Воробьи облепили берёзу, боясь подлететь.

Тогда она ушла в дом, протёрла уголок запотевшего окна, чтоб наблюдать, как, опережая друг друга, пернатые склёвывают угощение.

Осенние дни коротки. Чуть рассветёт – и вот уже мрачные сумерки спускаются на землю. Тётя Оля обедать приходила домой. Стайка неугомонных птах ровно в полдень занимала свои места на берёзе, терпеливо ждала.

Хозяйка насыпала корм и пряталась. Птицы как люди: все разные. Казалось, она даже начала различать их. Самочки поменьше размером и серые, у самцов горлышки с чёрными пятнами. У некоторых недоставало перьев на хвосте, у других – на крыльях. Эта пернатая мелочь умиляла тётю Олю: они выясняли отношения из-за любой крохи. А если мимо крыльца пробежала собака или, чего хуже, кошка, то с бандитским размахом всей стаей набрасывались на противника, прогоняя прочь.

Как-то в выходной зашла соседка. И они вместе заворожённо стояли у окна, любовались воробьями. Хозяйка показала на берёзу:

– Видишь, на ветке сидит худенький воробей, его не пускают.

Действительно, как только воробей приблизился к кормушке, остальные сгруппировались и оттеснили конкурента в сторону. Спустя несколько минут, он повторил манёвр, но попытка оказалась безуспешной.

– И так всегда! Двенадцать воробьёв кормятся, а этот голодный.

Соседка не поверила, пересчитала птиц:

– Ой, и правда, тринадцатый – изгой!

Тётя Оля держала блюдце с кормом в руках.

– Не изгой, отдельно кормлю.

Ленивцы

Люди издревле находились в единении с природой: замечали изменения, предсказывали погоду, будущий урожай. Птицы и звери жили в ладу с человеком. В наших северных краях к ним особое отношение. Птицы могли не только ласкать пением слух, но и быть преданными друзьями.

Полине нравилось наблюдать за деревенскими ласточками. Её мама не была противником птиц, но выбор ласточек не одобрила: они лепили гнездо под навесом крыльца – сухая трава, комочки глины

падали на голову входящему в дом. Мама Полины раз за разом сбивала гнездо, а те отстраивали заново. В конце концов она уступила, решив, что ласточки – добрые предвестницы! Попросила отца прибить под гнездом доску, чтобы мусор оставался на ней.

Ласточки вывели потомство и ревностно охраняли свои владения. На соседей – не реагировали, но если на крыльцо поднимались пьяные мужчины, то с оглушительным криком начинали носиться вдоль окон.

На зимовку пернатые жильцы улетали на юг. Весной стая рассаживалась на электрических проводах – мы вернулись! Одна из пар занимала готовый домик, остальные отправлялись под своды клуба.

Обычно за сезон пара ласточек успевала вырастить два выводка. В середине лета птенцы первого – подросли, стали зрячими, пух превратился в перья. Однажды малыши целый день надрывно пищали, широко разевали жадные рты. А родители сидели на проводах и делали вид, что не слышат.

«Надо помочь! – подумала Полина. – Ласточки так устали, что больше не могут кормить ластушонков».

Она нашла палку, взяла молоток отца, гвоздь и старую консервную крышку. Попробовала прибить крышку в палке. Да промахнулась! Молоток больно ударил по пальцу! Сморщив нос, Полина прижала палец к губам.

Птенцы пуще прежнего подняли крик!

– Сейчас! – Полина положила крышку на порог, приступила ногой. Крепко сжала в руке гвоздь. Бах! Железное остриё пробило жестянку! Она приставила острый кончик к палке. Удар! Ещё удар! Шляпка гвоздя загнута в сторону. Подёрнула жестянку – плотно прибита! Улыбнулась: «Этакая «переносная столовая» получилась!»

Сбегала в огород, наловила комаров, сложила их на крышку. Подошла к гнезду, подняла «столовую»:

– Бедняжки... голодные... ешьте-ешьте...

Птенцы увидели, как в них тычут палкой – испугались! Опережая друг друга, с жалобным писком вылезли из гнезда. Отчаянно затрепыхав крыльшками, полетели к родителям! Отец с матерью будто этого и ждали – весело защелкали!

Все вместе поднялись под облака.

Мама Полины возвращалась с работы. У дома её атаковали ласточки, громко трескуче щелкали, почти касались крыльями головы и плеч.

А на крыльце с палкой в руке застыла Полина:

– Я хотела покормить птенцов! Ласточки ни одной козявки им не принесли.

– Ну, и ленивцы! – улыбнулась мама Полины. – Птенцы не хотели вылетать из гнезда, а родители, перестав кормить, выманивали их.